

КОНФУЦИЙ

СУЖДЕНИЯ

И БЕСЕДЫ

УДК 82'01
ББК 87.3
К64

*Перевод с китайского
и вступительная статья П. С. Попова*

Конфуций

К64 Суждения и беседы / Конфуций ; [пер. с кит. и вступ. ст. П. С. Попова]. — М. : РИПОЛ классик. — 368 с. — (Кофе с мудрецами).

ISBN 978-5-519-63901-9

Конфуций — создатель стройного философско-этического учения о совершенном устройстве общества, ответственности каждого его члена перед родителями, представителями власти и себе подобными. Взгляды Конфуция были изложены его учениками в легендарном памятнике китайской литературы «Суждения и беседы», представляющем собой собрание правил поведения, изречений и сентенций на все случаи жизни.

УДК 82'01
ББК 87.3

ISBN 978-5-519-63901-9

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2017

П. С. Попов

КОНФУЦИЙ

Если верить китайцам, род Конфуция должен считаться одним из древнейших родов в мире. Они ведут его родословную с 11 в. до Р. Х. от Ци, старшего брата Чжоу-синя, последнего государя иньской династии, получившего потом от чжоуского князя Чэн-вана удел Сун. Но ближайшим родоначальником китайского мудреца, от которого он унаследовал свое прозвание, был Кун-фу-цзя, живший в 7 в. до Р. Х., правнук которого и прадед Конфуция вынужден был из-за родовой вражды с влиятельной фамилией Хуа переселиться в царство Лу, где, получив в управление город Фан, стал именоваться Фан-шу.

Отец Конфуция Шу Лян-хэ, говорят, был храбрый воин, обладавший богатырской си-

лой, а мать его по имени Чжэн-цзай происходила из фамилии Янь. Не имея от первой жены сыновей, за исключением одного убогого Мэн-ни, на которого нельзя было рассчитывать как на продолжателя рода, Шу Лян-хэ, несмотря на свой 70-летний возраст, взял другую жену — именно Чжэн-цзай. От этой-то четы в 551 г. до Р. Х. в уезде Цзоу, которым управлял его отец, родился Конфуций. При рождении ему было дано имя Цю, а впоследствии ему дали прозвище Чжун-ни.

Имя Цю и прозвище Ни даны были Конфуцию его родителями в память о горе, на которой они молились о даровании им сына.

О детстве Конфуция, как это ни странно, мы почти не имеем никаких сведений; рассказывают только, что он любил играть, расставляя жертвенные сосуды и представляя разные обряды. Уж не послужила ли эта детская склонность к развитию в нем страсти и педантического благоговения к церемониям, которые сковали всю последующую жизнь Китая?

Недостаток средств, а может быть, и смутные времена удельного периода, когда было не до науки, лишили Конфуция возможности получить в молодости правильное образование, несмотря на то что у него, по его собственным словам, в 15 лет была охота учиться. В 19 лет он женился на девице из семейства Цянь-гуань, а в следующем году у него родился сын Ли (*кит.* — *капн*), которому он дал это имя, будучи тронут вниманием князя, приславшего ему в ознаменование этого счастливого семейного события пару карпов. Как бы то ни было, но тот факт, что владетельный князь удостоил Чжун-ни по случаю рождения у него сына подарком, указывает, что Конфуций, несмотря на свои 20 лет, был уже известен князю.

Обычай посылать карпов в подарок по особенно счастливым и приятным случаям до сих пор сохраняется в Китае. Так, Ли-Хунь-чжан послал в 1897 г. князю Ухтомскому двух карпов как выражение того, насколько он был рад его видеть.

Вскоре после этого события мы встречаем Конфуция в качестве зрителя хлебных магазинов, затем в должности зрителя жертвенных животных. Так как, представая в некоторых памятниках в качестве зрителя хлебных магазинов, он именовался чиновником фамилии Цзи, то из этого можно заключать, что он был сначала на службе не у самого луского князя. Как бы то ни было, но служебная карьера ему, по-видимому, не улыбалась, о чем можно заключать из того, что в 22 года он является в качестве Учителя, вокруг которого собирается немало молодых людей, жаждущих познакомиться с церемониями и истинами древней мудрости, и Конфуций, по его собственным словам, не отказывал в наставлении никому, кто являлся к нему со связкой вяленого мяса (т. е. платой за учение) и с горячим стремлением к познанию истины («Лунь-юй». Гл. VII, § 7–8). Такой учительской деятельностью он занимался до тех пор, пока ему представился случай, благодаря богатству и влиянию двух новых учеников своих Хэ-цзи и Нань-гуань-

цзин-шу, осуществить свою заветную мечту — совершить путешествие к сюзеренному двору в столицу Лоян (в Хэ-паши) для изучения на месте чжоуских церемоний и древностей и чтобы расспросить о них Лао-цзы, который будто бы был придворным библиотекарем. О свидании этих двух мудрецов ни классические книги, ни история не сохранили нам ничего заслуживающего внимания, за исключением нескольких банальных фраз. Так, например, Конфуций после свидания с Лао-цзы сказал своим ученикам: «О птице я знаю, что она может летать, о рыбе, что она может плавать, и о животном, что оно может ходить; птица может быть поражена стрелой, рыба поймана удочкой, а животное — тенетами. Что же касается дракона, то я не могу знать, что с ним можно сделать, потому что он на облаках уносится в небеса. Я видел Лао-цзы — не походит ли он на дракона?»

Оставляя в стороне подобные рассказы, мы должны заметить, что путешествие это несомненно обогатило пытливый ум Конфуция но-

вым запасом сведений по части церемоний, истории, языка и древности и в то же время подняло его значение как ученого. Вероятно, благодаря этому число учеников его по возвращении из Ло значительно возросло.

Но ему не пришлось долго отдыхать в своем отечестве — в нем начались большие смуты, обязанные своим происхождением возмутительному поведению трех знатных фамилий: Цзи, Мэн и Шу по отношению к своему государю, князю Чжао, который после безуспешной борьбы с ними в 25-й год своего княжения принужден был бежать в соседнее царство Ци; за ним последовал туда и Конфуций. В Ци в то время княжил Цзин-гун. Своими политическими беседами с этим князем, которому, между прочим, на его вопрос об управлении он сказал, что доброе правление может быть только там, где государь — государь, министр — министр, отец — отец и сын — сын («Лунь-юй». Гл. XII, § 11), Конфуций настолько успел снизить его расположение, что князь готов был дать ему землю под аренду в Ни-ци, если бы

против этого не восстал первый министр Яньин. Эта неприятность в соединении с недовольством этикетом, который князь хотел приложить по отношению к Конфуцию, т. е. третировать его ниже первого магната Цзи и выше Мэн, сделала дальнейшее пребывание его в княжестве Ци довольно щекотливым, и он опять возвратился в Лу.

Он застал свою родину в состоянии ужасных смут. Чжао-гун продолжал оставаться в княжестве Ци, где вскоре и умер, и на место его был возведен брат его, известный под именем Дин-гуна (509 г. до Р. Х.). Известные знатные фамилии Цзи, Мэн и Шу, о которых упоминалось выше, державшие в руках своих государей, сами не в состоянии были обуздывать своих подчиненных; один из них — Ян-ху — открыто поднял знамя восстания. Такое положение дел заставило Конфуция отказаться от служебной деятельности на долгие годы, которые были им посвящены поэзии, истории, церемониям и музыке. Богатый материал для разработки этих предметов он нашел, конечно,

в том, что он видел и что вывез из своего путешествия в столицу чжоуских царей. Немалое утешение он находил в учениках, которых у него была масса. Проповедник порядка и законности, наш мудрец едва сам не был увлечен на путь беспорядка и беззакония духом того времени, когда бесправие и необузданный произвол были общим правилом, а право и разумная свобода — редким исключением. Конфуцию был уже 51 год, когда некто Гун-шань-буню, взбунтовавшись против фамилии Цзи, пригласил его присоединиться к восстанию. Мудрец был готов отправиться на приглашение, но против этого восстал ученик его, Цзы-лу. Учитель, по-видимому, неохотно уступил своему ученику, как об этом можно заключать из следующего ответа его Цзы-лу: «По всей вероятности, он не попусту пригласил меня. Если бы нашелся человек, который бы воспользовался мной, разве я не создал бы восточное Чжоу?» Вскоре Дин-гун назначил Конфуция правителем города Чжун-ду в округе Дун-пин. В течение своего годовичного управления он до